

Сергей Попов

БРИСТОЛЬ, или Возвращение Леонида

Реплики и оклики

Сергей Викторович Попов родился в 1962 году в Воронеже. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Подъём», «Новый мир», «Москва», «Арион», «Интерпоэзия», «Дети Ра», «Литературная учеба» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат Специальной Международной Волошинской премии, Международной премии им. Ф. Искандера, премий «Писатель XXI века», «Кольцовский край», фестиваля конкурса «Русский Гофман» и др. Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

*Мой милый друг, твои молодые годы
Прекрасный цвет души твоей спасут...*

В.К.

1

-В первоизданном виде сохранилась тут разве что черная лестница. Те же сумрачные стены, тот же глуховатый свет, тот же кафель завода Беренгейма. Черные лестницы всегда живут дольше прочего.

— И зачем тебе, Леня, эти рецепты? Жизнь показала, что в чистом виде — куда как лучше. Да там они, верно, и без надобности... Хотя не могу знать. Не время покуда. Нет, если хочешь, припомню. Мне не жалко... Спирт «Royal», «Амаретто», тоник... Апельсиновый сок, венгерский вермут, спирт «Royal»... Или в томатный слить «Royal» по лезвию и поджечь... Слишком незатейливо? А вот, поди ж ты, шло за изыски!

— В своих признаках, Лена, мы люди второго темпа. Что нам может нравиться изначально? Откуда мы знаем... Нам нужно показать и рассказать, чтобы мы увидели да попробовали. Вот тогда... Пришло бы мне когда-нибудь самому в голову сливать в один стакан сухое, «Кампари» и водку? Я бы, разумеется, все это с чувством и толком употребил последовательно. А вот насмотрелся, начитался — и пропал...

— Помнишь, как мы с тобой хотели сделать цикл передач о коктейлях на местном телевидении? С использованием литературных источников и собственного опыта. Чтобы не было скучно, передачи предполагались компактными — не более пятнадцати минут. Историческая справка, рецепт, приготовление в кадре и соблазняющее зрителя употребление под легкие разговоры ведущих о всякой всячине. Понятно, что ведущими мы видели самих себя. А что? Возможно, и получилось бы. Мы ходили к начальнику здешней телерадиокомпании. Он немного знал меня по ранним опусам в старинном областном журнале, где и сам одно время трудился. А потому слушал благосклонно, с готовностью поддакивал, мечтательно улыбался. Венечку, вспомнил, конечно. «Это хорошо — в случае чего на классику покивать можно». Сомнительная, надо сказать, мысль. Ничего определенного он тогда не выдал, но пригласил на юбилей своей конторы и по-разбойничьи подмигнул. Тогда я не понял — к чему.

Ресторанный зал на втором этаже «Бристоля» был щедро украшен цветами и гирляндами. Батареи дорогих напитков на белоснежных скатертях, холодные закуски, изысканные столовые принадлежности. Элегантные фуршетные столики, гибкие вышколенные официанты, яростные огненные люстры. Пускали по билетам и зорко следили, чтобы абы кто не просочился.

Речь начальника была недолгой. Вехи истории, последние достижения, новые задачи... Потом выступил-прослезился кто-то из ветеранов. И пару слов добавил совсем юный сотрудник, которого я поначалу принял за школьника. На том официальная часть и завершилась.

Начальник поднял первый тост. Он был чрезвычайно краток и подчеркнуто традиционен. И пошло-покатилось... Дальше обходились без речей. Быстро разбились на группки по интересам и алкогольным предпочтениям. Повеселели, загалдели, перешли на высокие регистры. Официанты носились как проклятые. Потом все голоса слились в сплошной гул, началось броуновское движение. Мемории, братания, планы. Все было увлекательно, живо, динамично. Потом официантов попросили отдохнуть, и гости перешли на самообслуживание.

Я примкнул было к одной из компаний, но ко мне подкатился один шапочно знакомый журналюга. Он был уже весел и беззаботен, а потому, взяв меня под локоток, взялся энергично рассказывать:

— Старик, а ты знаешь, где мы пьянствуем? В очень и очень примечательном месте. По Гражданской еще... Именно здесь в октябре девятнадцатого Шкуро давал банкет в честь взятия нашего родного города. Да-да, прямо вот в этом зале. И так ему тут понравилось, что он и штаб свой сюда перенес.

Я смутно помнил школьную еще историю про Олеко Дундича, что, вырядившись белым офицером, доставил в этот штаб глумливое послание Буденного, а потом едва ноги унес.

«Завтра мною будет взят Воронеж. Обязываю все контрреволюционные силы построить на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Ко-

мандовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слезы рабочих и крестьян будешь повешен на телеграфном столбе там же, на площади Круглых рядов. А если тебе память отшибло, то напоминаю: это там, где ты, кровавый головорез, вешал и расстреливал трудящихся и красных бойцов. Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона».

— Если ты про демарш Дундича — это не более чем красивая буденновская легенда.

— Ты представляешь, какое это по тем временам было шикарное строение? В стиле модерн. Пальчики оближешь. Да оно и нынче хоть куда. Его в девятьсот десятом сдали. С автономным электрическим освещением. Фантастика! Был такой замечательный инженер — Моисей Фурманов. А может, и Михаил. То ли из Москвы, то ли здешний. Теперь уж никто точно и не помнит. Вот он все это и спроектировал. Он вообще продвинутый был господин. Выискивал, изучал, переводил. «Новейшие методы расчета железобетонных сооружений» и «Производство портланд-цемента». Последний писк по тем временам. Это все он нашел, перевел и издал. Вот этот самый «Бристоль» и стал железобетонным первенцем в нашем захолустье. Представляешь, тут был первый в городе пассажирский лифт! А еще лифт для кухни. Где они теперь?.. А какой сад был позади здания! Чтобы публика воздухом могла подышать. Одно очарование. Представляешь, какая для обывателей неведомая изысканность, какая экзотика? Одни только фамилии владельцев чего стоили: Говсепиан, Тутель-оглу, Варт-Бароновы... Когда здесь штаб третьего Кубанского конного корпуса обосновался, эти самые Варт-Бароновы исхлопотали у Шкуро восстановление прав собственности на здание. И полным ходом пошли ремонт, переоборудование, закупка мебели. И когда через три недели красные выбили кубанцев из города, все было уже почти готово.

Где-то в недрах праздника я лицом к лицу столкнулся с начальником.

— Ну что, проект сделаем? — поинтересовался я с нетрезвой развязностью.

— Без вопросов, — отвечивал тот, веско сверкая заплывшими глазами.

Наверное, наш проект и воплотился бы. Но начальник, возвращаясь с очередного московского совещания, рухнул замертво на перроне Казанского вокзала. Чувствуешь, Леня, — опять второй темп... Мало того, что покойный и сам не чужд был изящной словесности, — он просто обожал Анненского...

— И почему — «Бристоль»? Говорят, первый отель решили так назвать в честь путешественника и географа Фредерика Августуса Херви, четвертого графа Бристоля, большого любителя комфорта. А потом пошло и поехало по всей Европе. А для нашего губернского сброда такое название — как бальзам на душу. Чем глуше деревня, тем ярче платок.

— И к чему тебя, Леня, после архитертурного понесло на актерский в институт искусств? Неужели ты сам про себя не понимал ни черта?..

— Помнишь, Леня, как мы любили «Бристоль»? Больше всего его подвал. Там в девяностые круглосуточный шалман был... Какие невероятные звезды, готовые пасть, жадно глядели в наши бокалы! И ты меня все просвещал...

Чем модерн ставлен? Декоративно-прикладным искусством и интересом к новым технологиям. Выделяют, между прочим, разные его бытования. В конце девятнадцатого — начале двадцатого века шла разработка новых приемов пространственных композиций, потом на сталь и бетон заглядываться стали.

Кстати, Казанский вокзал, где бедному пухлолицему начальнику суждено было завершить свой земной путь, — тоже чистой воды модерн. А Шехтель, Шехтель... Монастырская северорусская ветвь. Эти очаровательные эркеры, снегшибательные мозаичные панно. Особняк Рябушинского, где творил свои нетленки незабвенный товарищ Пешков.

А Абрамцево! Эх, бедолага Мамонтов... А Дом Зингера и Елисеевский на Невском! Панорамные окна, светильники, перила...

Кстати, дом, где издательство «Ямбора» гнездились, тоже в стиле модерн был отстроен. В девятьсот тринадцатом по Москве таких особнячков было уже немало. Почему я о «Ямборе» вдруг вспомнил? Потому что случилась там одна встреча. Случайно сошлись в курилке обрусевший немец Николай фон Риттер и еврейский лабух Яков Фельдман. Ну, ладно. Об этом потом...

— Леня, — укорял я, — у тебя же волшебная юная жена... А ты все по подземельям со мной про модерн треплешься.

— От иного волшебства только в подземелье и спрячешься... Официант, еще по коктейлю!..

А потом мы выползли покурить, задирали головы и долго глядели на черный, в разнокалиберной галактической сыпи небесный купол.

2

С декабря 1919 года Моисей Моисеевич Фурманов служил заведующим мукомольным отделом областного Совета народного хозяйства. Ходил с новым дерматиновым портфелем, на службе надевал черные нарукавники, регулярно сдавал профсоюзные взносы. Отрастил некоторое брюшко, освоил новые совкацеляризмы, выработал вальжную, но деловую осанку. У Моисея Моисеевича появилась дородная лукавоглазая секретарша, которая с удовольствием заваривала ему душистый чай и угощала румяными домашними пирожками. Рассказывала, что дом у нее на самом берегу реки, в небольшом буйном саду, и там, простите за это старорежимное слово, просто божественно. Моисей Моисеевич охотно кивал, мягко улыбался и отпускал ее на рабочее место.

— Поди, Зина, в приемную, глянь. Там, верно, и просители уже жаждались...

Дела у Моисея Моисеевича шли в гору. План исправно перевыполнялся, в «Губернских ведомостях» его постоянно ставили в пример, начальники райотделов подобострастно заглядывали в глаза. Сам зампред Совета по плечу хлопал. Будущее рисовалось мощным. Разве перспективные управленцы — товар частый?..

Но когда после первомайской демонстрации Моисей Моисеевич в поднятом настроении неспешно обедал с сослуживцами, за ним пришли. Пришедшие хмуро покосились на консервы и шоколад из совнархозовского пайка, сунули в лицо Моисею Моисеевичу ордер и весело велели собираться... С тех пор на службе его никто не видел. Говорили, что он погряз в махинациях с расценками на обмолот, или фасовку, или транспортиров-

ку. А вскоре грянула реорганизация, и тех, кто прежде трудился бок о бок, разметало по разным конторам. При редких встречах о Моисее Моисеевиче они не вспоминали. Как, впрочем, и о некоторых других...

Зина спала плохо. Ей снился исхудавший и небритый Моисей Моисеевич. Истрепанный прежний костюм висел на нем мешком. Моисей Моисеевич улыбался и манил рукой.

— Поди, Зина, ко мне. Ты же меня помнишь. А что же чураться?

— А я и не чурюсь вовсе. Просто вы изменились сильно...

— А ты знаешь, Зина, каково без твоих пирожков?.. То-то и оно.

— Так я напеку. Я быстро...

— Напеки, Зина, напеки...

Зина вставала и шла растапливать печь... Так и возилась до утра с тестом и начинкой. А потом выкладывала выпечку в эмалированный таз и долго любовалась...

...и Зина, наконец, решилась. Надела новые темные чулки, строгое платье со стоячим воротничком и отправилась по адресу, который подсказали ей на работе. По пути тайком трижды перекрестилась на храм и коротко про себя помолилась. В двухэтажном особнячке красного кирпича ее встретил дежурный, выслушал и велел подождать на улице. Минут через пятнадцать позвал, замкнул входную дверь и препроводил на второй этаж.

— Разрешите?.. Есть!

И Зина вошла в кабинет, где за дубовым столом сидел молодцеватый веселый человек в ремнях и гимнастерке.

— Чем обязан?

— Я очень хочу об одном человеке узнать. О Моисее Моисеевиче Фурманове. Он работал в нашем Совете народного хозяйства, заведовал мукомольным отделом. А потом вдруг пропал. И никто не знает, что с ним. Очень хочу узнать... Прекрасный был человек...

— А почему «был»?

— Я не знаю...

— А почему вы пришли именно к нам?

— Вы все знаете...

— Это точно... А кем вы ему приходитеесь?

— Я трудилась у него секретарем. Он прекрасным руководителем был...

— Но почему все-таки «был»?

— Потому что сейчас на его месте — другой.

— Это точно. Хорошо. А что именно вы хотели узнать?

— Просто — что с ним...

— Насколько мне известно, он работает сейчас в другом месте.

— А где?

— Этого точно я сказать не могу. Да и так ли это важно?

— Интересно же... А то как-то все вдруг...

— Ничего вдруг не бывает. Для всего формируется почва. Базис, если хотите.

— Я не хочу.

— Ну да... Короче, обстоятельства сложились таким образом, что ему стало нужно переменить род деятельности.

— А с ним все в порядке?

— Думаю, что сам он отчетливо понимает необходимость такого положения вещей.

— Это, наверное, хорошо...

— Конечно. Если человек осознает справедливость происходящего, это великое благо.

— Значит, мне можно не волноваться?..

— Считаю, что тревожиться надо было в том случае, если бы все творилось в прежнем режиме.

— Да, сейчас все по-другому...

— Ну вот видите, вы и сами понимаете.

«Не очень-то и понимаю», — хотела сказать Зина, но вовремя себя одернула.

На обратном пути она еще раз перекрестилась на храм и в задумчивости проследовала восвояси.

— Кстати, ныне по стране возникла очередная сеть алкогольных магазинов. Как она называется? Угадай, Леня, с трех раз. Конечно — «Бри-столь». Без этого мы не можем. Без этого мы — не мы. Довелось как-то по своему простодушию туда сунуться. Долго потом откапывался. Фена-зепам, пирарцетам, аскорбинка... Больше туда — ни ногой...

Когда на банкете телевизионщиков я отлучился в туалет, то увидел в конце коридора у окна невысокую фигуру в расстегнутом генеральском кителе. Оконный свет ел глаза, и лица я не разглядел. Настроение располагало к тому, чтобы подойти и познакомиться. И я было собрался... Но человек словно растворился в воздухе. Я даже в туалете во все кабинки заглянул...

— Почему я, Леня, с тобой напрямую разговариваю? Да потому, что человек я консервативный. Не люблю всякие приложения, мессенджеры, платформы новомодные... Они вроде как для удобства и помощи слеплены. Этакий ценный придаток твоему необъятному интеллекту. Но когда ты втягиваешься в ежедневное общение с ними — очень быстро сам становишься их придатком. И такая мерзкая от них зависимость появляется — почище, чем от алкоголя. И вся твоя свобода улетучивается как спирт.

Вскоре после встречи с фон Риттером Яков вернулся в Воронеж. Он там оркестром заведовал. Вообще-то Фельдман был одессит. Отучившись в музыкальной школе знаменитого Пинхуса Столярского, он подрабатывал, где придется. То тапером подвизался, то вторым дирижером в разных музконторах.

Но однажды после концерта к нему подкатил один щеголеватый тип. — Имел счастье выслушать ваше выступление, — програссировал он. — Имею удовольствие предложить вам контракт на работу в Воронеже. Перспективному оркестру нужен перспективный руководитель. Я вижу, что вы — это он.

— Вы так считаете? — спросил Фельдман.

— Воронеж, разумеется, не Одесса. Но с шампанским потянет...

Малохольные музыканты ввергли неосмотрительного Якова в шок. Играли они не просто скверно, а убийственно. Но, как говорится, поздно пить боржоми. Яков дни и ночи проводил со своими оркестрантами, за-

нимался с каждым индивидуально и со всеми вместе, добиваясь чистоты звучания, полной согласованности, понимания требований дирижера. Музыканты старались — понимали, что от пролитого на занятиях пота зависит их будущее. Поэтому репетировали усердно и охотно. И оркестр стал быстро меняться к лучшему. Уже через год его нельзя было узнать. Выступления стали пользоваться успехом. Пошли приглашения в другие города. В Воронеж зачастили известные певцы, желающих выступить с оркестром было хоть отбавляй. А сам дирижер взялся за сочинение музыки...

В том же тринадцатом году на гастроли приехала молодая, но уже немало нашумевшая певичка-сопрано Агриппина Сергеевна Гранская. Не обладая большим диапазоном голоса, она владела красивым, чистым тембром и пела на редкость проникновенно. Вот тут Яков и порадовался, что выудил у фон Риттера какие-то жутковатые стишки. Положа руку на сердце — чувшь полная. Девчущка, не мешкая, ответила Якову взаимностью. И с тех пор что бы тот ни сочинял — все опусы он посвящал именно ей.

Романс имел бешеный успех. Сначала его запел Воронеж, а потом — вся Россия. Не было нотного издательства, не издавшего этот романс, не было ни одной фирмы грампластинок, не штамповавшей его с разными исполнителями. Даже немой фильм появился на сюжет романса. Его снял в шестнадцатом художник Евгений Бауэр. А главную роль сыграла сама Тэффи.

Но продолжалось это недолго. Грянула Октябрьская, а пролетариату романс с ямщиком не показался... Его окрестили классово чуждым и надолго упрятали под сукно. По пьянке народ, конечно, его по-прежнему горланил. Но с эстрады — ни-ни...

Гранская умерла в двадцать пятом. А Фельдман — аж в пятидесятом. Жил неподалеку от Донского, любил там по вечерам моционствовать. Там и похоронили...

— А мне ясно видится глубокая киевская осень девятнадцатого. Ветер бесцеремонно швыряет мокрые мервые листья в лицо Николая фон Риттера. А он, приподняв воротник, все бродит и бродит вдоль по безлюдному Бибиковскому бульвару. Холод и сырость нагло лезут под поношенное пальтецо, но он все не возвращается в дом номер 26, где квартировал, прежде чем сгинуть окончательно...

— А куда ж он делся?

— А куда у нас люди деваются сплошь и рядом? Чудак ты человек... Мягко говоря.

3

— А помнишь, Леня, как ты договорился с горничной и притащил в свободный номер двух размалеванных девок. Ты всегда умел договариваться. Да, тогда с этим проблем и не было... Ты был удручающе бездарен. Но фактурен, громкоголос и весел. И сразу, конечно, схватил гитару и запел:

Гони, ямщик, быстрее вдаль,
Авось рассеет грусть-печаль.
Пусть разлюбил — тоска пройдет.
Гони, ямщик, скорей вперед.

Ты был просто влюблен в это сомнительное сочинение, старый позабытый романс Семенова. Ты его даже в свой дипломный спектакль вставил. А девки дико таращились и поеживались. Они-то были уверены: их совсем не для прослушивания туда залучили. И в таком непонятном раскладе мерцала явная опасность. А вдруг убьют?..

— Сестра, где ты, черт возьми, бродишь? Капельница вот-вот кончится. Сейчас воздух пузырьками в кровь покатится... Нет, сам я перекрывать не берусь... А потому что не мое это дело.

— И в воздух чепчики бросали... Ты представляешь, Леня, как по Большой Дворянской горделиво гарцуют казачки, по-хозяйски оглядывают публику, ухмыляются в закрученные наверх усы. Хоровые здравицы, шикарные розы под копытами, нескончаемые овации... Зачарованные глазищи перезрелых губернских барышень... И больше всего цветов и криков «ура» в Воронеже досталось командиру корпуса — лихому казачьему атаману, бывшему предводителю партизанской «Волчьей сотни», прославившейся в Первую мировую: тридцатидвухлетнему генералу Андрею Шкуро... «Иные идут по трупам, а я по цветам».

— А знаешь, какой в «Бристоле» устроили грандиозный банкет! А «Ямщик, не гони лошадей» оркестр бисировал раз десять. Конечно, автора романса и жены его давно уже в городе не было. Но то, что этот незабвенный опус впервые прозвучал именно здесь, все знали прекрасно.

— Слушай, и как ты все это помнишь?

— У психопатов отменная память...

Я вышел покурить, постоял пару минут — не больше. И вдруг с диким криком из нашего номера вылетели две нимфы.

— Там дядька с саблей! — провизжала одна из них и нырнула за угол.

Почти сразу явилась грузная коротконогая старуха — то ли дежурная по этажу, то кто-то в этом роде еще... Я подумал, будет шить аморалку, но дело оказалось серьезней...

— За что вы их зарезать хотели?!..

Я чуть не рухнул...

— Как зарезать? Вы с ума сошли?! Да у нас и ножа-то нету...

— Зато шашка есть.

— Какая еще шашка?

— Какая-какая... Дорогая, с отделкой...

Мы еле уговорили старуху, чтобы она не вызывала ментов, а сама досмотрела комнату.

— Ты знаешь, как горожанки встречали лихие войска Андрея Шкуро в сентябре девятнадцатого? Как жаждали их любви... А потом, когда в октябре вернулись красные, — реабилитировались уже с теми...

— На всякой войне по меньшей мере две правды, а то и намного больше... Как на Гражданской, например. Понятное дело, у победителей потом масса возможностей превратить свою правду в единственную. И триумфаторы их, конечно, не упускают. Но выжившие побежденные не сдаются. Ставят под сомнение, опровергают, идут в атаку. И война длится, длится, длится...

Вроде и мириться пора давно... Но как? Ведь у иных персонажей

прежних лет и по несложку своих правд было... А может быть, это ветви одной... Ну как крылья кораллового камня в почке. У тебя же он, сволочь, был. И поди тогда разбери что-нибудь даже внутри одного человека. Даже когда напряжешься и по-честному воскресишь его для себя.

Помиришься тут...

«— Абраша, дорогой, а ты знаешь, шо сегодня день примирения и согласия?»

— Шо ты имеешь этим сказать, Софочка?

— Мы сегодня идем в магазин, и я буду все примерять, а ты — соглашаться!..»

4

...В коридоре на третьем этаже мне встретился невысокий, ладно скроенный человек в растегнутом мундире немецкого генерала времен Второй мировой. Он был растрепан и растерян. Я, конечно, узнал его.

— А где ваша шапка с бриллиантами и кинжал?

— У одного английского генерала в гостиной, должно быть, висит. Британцы — в душе жуткое ворье... Когда видят, что можно, — удержу нет. Я их орден этим воякам под ноги и швыранул.

— Как же так получилось?

— Да очень просто. В конце мая сорок пятого союзнички перевезли меня в лагерь Шпиталь. Ну и при досмотре изъяли. Сказали, что потом вернут. Генерал тот в стороне стоял, головой кивал со значением. Сволочи, одним словом... Меня от этого сердечный припадок настиг. Если как на духу — я и подыгрывал тогда слегка. Думал, чем черт не шутит, может, хворь и пособит мне как-то в тамошнем затворе... И через полдня прислали ко мне врача-профессора. А им знакомый мой еще по Белграду оказался. Вербицкий его фамилия. Не слышали? Очень громкий лекарь...

— И что же он сказал?

— Он сразу в ситуацию вник... Велел раздеться и принял меня вроде как грубочкой своей выслушивать — у дверей солдат-надсмотрщик отирался. Вербицкий шепнул, что всех офицеров Казачьего стана с Красным во главе куда-то увозят. Радости это известие не прибавило.

— И долго ли вас там держали?

— Уже через день увезли в Юденбург. Там какой-то совдеповский офицеришко имел наглость раскритиковать мой внешний вид — рядом начальство, нужно выслуживаться. Ну я ему и высказал. «Для того чтобы обратиться к генералу, нужно стать “смирно” и взять под козырек». А его командиру — даром он в двух шагах был — решительно так сказал: «Уберите этого невежду». И что же вы думаете? Тот приказал подчиненному уйти. Уважали, сволочи...

Энкэвэдэшники, понятное дело, допрашивали. Куда ж без этого? Все больше почему-то о Гражданской войне. А ночью красные офицеры и солдатики из охраны то и дело в мою комнату совались. Я шутил, как умел. А тем, кто постарше, напоминал: «Лупил я вас так, что пух и перья с вас летели!» И те лыбились, посмеивались, ежились... Я им и песню о себе сбацал. В девятнадцатом еще народ сочинил.

По Кавказу, по Кубани
Слышен грозный крик «Ура!».
Разразился над врагами
Генерал-герой Шкура.

Грядем славу трубой,
Славный наш Шкура-герой,
Мы с твоим лихим отрядом
Скоро будем под Москвой...

Я свою родную неблагозвучную фамилию в те еще времена подправил слегка... Но теперь думаю, что и такая сошла бы.

— У вас завидная память. Прямо как у одного моего друга. Того, бывало, хоть ночью подними и спроси: «А как тот закон называется? Ну, ты понял, какой...» — не раздумывая, выдает: «Федеральный закон от 22.11.1995 года номер 171 “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”». Красавец, а? А голова какова... Только забил ее черт-те чем.

И знаете чем? Поисками любви. К себе, разумеется. И его любили. Но не платили. Ни деньгами, ни помощью, ни вниманием. Так бывает. Такой вот сорт эмпатии. А вы, генерал, тоже стяжатель восхищенных взглядов? Конечно. В города входили под колокольный звон, с духовым оркестром, цветов жаждали...

— Если кто этого всего не любит, я тому не верю. Все другое — придумки натужные, игра в скромяг. А я человек прямой. Не понимаю, чего тут стесняться. Залитые солнцем улицы, слезы радости на глазах барышень, несмолкающие здравицы... Что в этом дурного? Это мечта. Объять, поцелуи, шампанское... Алкоголь, кстати, был мне только на пользу...

Когда меня привезли в Баден, в контразведку «Смерш», и определили в отдельную комнату, жизнь пошла райская. Обеды из лучших кабаков Вены, элитные сигареты на выбор, дорожущее вино — рекой. Я спокойно мог несколько бутылок употребить. И с утра быть как огурец.

А не читали Самутина такого? Офицер Русской освободительной армии, мать его. В «Военно-историческом журнале», уже в начале девяностых... Как я это могу там читать? Могу. Как? Это значения не имеет. Вот ведь что стервец писал: «Он поразил меня примитивизмом профессионального рубаки и отчаянного выпивохи. Датский “Аквивит” — тминную сорокаградусную — он глушил, как лимонад, не пьянея нисколько, только краснел и распался. Тематами его речей были вино, женщины и рубка. Ни военные дела, ни политика его, казалось, совершенно не интересовали». Исчерпывающая характеристика, не правда ли? Но даже этот улюдок отметил, что с зеленым змием я рубиться умел...

Да и вообще шашкой махать — это мое. Редко равный мне в этом деле попадался. Недаром англичане мне орден Бани на грудь повесили. Не всем такое обламывалось... К себе приглашали. Лондон, Честер, Страдфорд... А я пацаном еще старую книжку с картинками нашел. «Остров сокровищ». И прочел ее от корки до корки. Откуда она в станице? Там этого добра не водилось. И посеичас помню, как герои в плавание отправлялись. А как я в этом порту побывать хотел! Во снах бредил. Река Эйвон, Бристольский залив, необъятная Атлантика...

Когда ни свет ни заря меня в отеле «Цум голден фиш» англичане же и арестовывали, я сорвал с себя этот злосчастный орден и швырнул им под ноги — пусть подавятся.

Какое право они имели отдавать меня красным? Я никогда не был совдеповским гражданином.

Нужно сказать, что в коридорах мелькал и еще один странный тип — небритый, в поношенном костюме, с дерматиновым старомодным портфелем. Плечи его были присыпаны то ли перхотью, то ли какой-то белой пылью. Он вроде бы и напрашивался на разговор, но в последний момент ускользал. Разве что анекдот какой рассказывал. А мне что — больше всех надо? Редкой ветхости старуха-дежурная говорила, что знает его давно и он хороший.

«Одна израильская газета провела опрос, в чем разница между политиками и ворами? Один ответ привлек внимание редакции: “Уважаемая редакция, я много думал над вашим вопросом и пришел к выводу, что разница между политиками и ворами в том, что первых выбираем мы, а вторые — выбирают нас”».

«Ливано-израильская граница. Израильский патруль объезжает территорию. Вдруг слышится свист пули.

— Нема, а это ливанский снайпер.

— Так почему же вы его не уберете? — спрашивает новичок.

— Да он там уже два месяца сидит и еще ни в кого не попал. А если его убраться — поди узнай, какого поставят на его место».

«— Что такое форшмак?

— Это такое блюдо национальной кухни из селедки.

— Ух ты! А откуда знаешь?

— У меня соседи Яков Соломонович и Роза Марковна.

— Угощали?

— Нет, рассказывали...»

«— Шлема! Мне срочно нужны деньги!

— Шо, случилась какая-то беда?

— А то, шо у человека нет денег, — это таки уже не беда?»

Иногда, правда, он открывал портфель, доставал оттуда кипу листов с графиками, схемами, таблицами... И начинал вдруг что-то путано и лихорадочно объяснять, размахивая пожелтевшей бумагой. Он толковал об ошибках в расчетах, головотяпстве, вредительстве. Его раскаленная слюна обжигала мне щеки. Но потом он быстро истощался, замолкал и исчезал из поля зрения.

В этот раз небритый тип был в черных нарукавниках. Он заговорщицки приложил палец к губам, извлек из дерматинового портфеля несколько пожелтевших газет с выделенными фломастером строчками и сунул их мне. А потом по обыкновению мгновенно развоплотился...

«...В 7 часов утра 4 июня 1945 г. на пассажирском самолете “Дуглас” генералы П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро и другие были доставлены в Москву, на Лубянку, где были сразу же разъединены и распределены по камерам...»

«...К 7 июня передача интернированных была завершена. Всего британскими военными властями в руки НКВД было передано в районе г. Лиенца 37 генералов, 2200 офицеров и около 30 тысяч казаков вместе с семьями, разделившими их судьбу... Перевернулась еще одна страница российского казачества, понадеявшегося на спасение и освобождение своей Родины с помощью иностранной военной силы...»

«...Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А.Г., командира «Дикой дивизии» генерал-майора белой армии князя Султан-Гирей Клыч, генерал-майора белой армии Краснова С.Н. и генерал-майора белой армии Доманова Т.Н., а также генерала германской армии, эсэсовца фон Панвиц Гельмута в том, что по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Краснова П.Н., Шкуро А.Г., Султан-Гирей, Краснова С.Н., Доманова Т.И. и фон Панвиц к смертной казни через повешение...»

— Для нашего пресловутого Шкуро Вторая мировая была лишь продолжением Гражданской. И главное — это борьба с большевиками. Вот настоящее казачье дело! Пусть и в составе гитлеровских соединений. «Хоть и с чертом, да против дьявола...» Видавший виды генерал-атаман привычкам своим не изменял. Куда бы он ни заявлялся — тут же зажигались пьянки-гулянки. А перепить он мог любого. А сколько солдатских анекдотов и похабных песен знал... Молодые да зеленые казачки прямо-таки перед ним благоговели.

В апреле сорок пятого верхушка воевавшего на стороне Германии казачества сдалась англичанам. Между прочим, Краснов, Шкуро и иже с ними по договоренностям между союзниками выдаче и в самом деле не подлежали. Но в лагерях для военнопленных к тому времени скопилось столько гитлеровцев всех мастей! В американских — три миллиона во семьсот тысяч, в английских — три миллиона семьсот тысяч... Зачем англосаксам кормить столько ртов? И потянулись на восток эшелоны...

— Этому безбашенному рубাকে прямо-таки позавидовать можно. Всю жизнь надирался как собака — и хоть бы хны. А тут попьешь недельку-другую аккуратненько — и в наркологию прямой дорогой... Галоперидол, мeldonий, рибоксин, фенозепам...

— Да, здоровье у нас явно подкачалось...

— Потому что всякую мерзость в девяностых хлебали, как переша-роханые...

— Чем же тебя, Леня, на земле обетованной лечили?

— А они не любили об этом распространяться. Заливали в капельницу какой-то коктейль — и вперед.

— Да, профи секретов не выдают. Рецепты коктейлей — на вес золота.

— Да брось ты... У нас свои рецепты. Они в золото не конвертируются.

7

— А в Одессе тоже есть «Бристоль». Знаменитый когда-то отель...

— Только ли в Одессе? Их у нас — куда ни плюнь. И сам не пойму, почему у нас по стране столько «Бристоль» с их замшелым современным, обветшалым гламуром, несвежими ресторанными скатерками? С обшарпанным, липким от дешевого винища паркетом. С пьяным визгом из-за облупленных дверей. С шустроглазой вороватой обслугой. И по сути, в какой город не едешь, а попадаешь в Бристоль.

— Леня, а ты из своего Ашдода никогда до Бристоля не добирался? Напрасно. Любопытный город. Дури столько же. Если не больше. Там недавно совсем занятая буча была. Статую знатного политика и шустрого предпринимателя XVII века Эдварда Колстона сбросили прямо в залив. Рабовладельцем, собака, был. А еще и работарговцем. Судя по фото из соцсетей, перед тем как сломать памятник, протестующие яростно давили своими коленками шею скульптуры — напоминали, как погиб афроамериканец Джордж Флойд. Это после его смерти покатилося по миру «Black Lives Matter». Во время задержания Флойда один из копов почти минут десять мял броневой коленом его кадык... А потом на опустевшем постаменте плясали, пели, братались...

А так в Бристолье здорово. Знаменитый, двенадцатого века, собор. Висячий мост в Клифтоне, шедевр позапозапрошлого столетия. Церковь Сент-Мэри-Редклифф, признанная Елизаветой I лучшей в ее королевстве. Дом собраний квакеров в Бродмиде, башня Кабота, бристольский университет... Ей-богу, напрасно ты не сподвигся. Впрочем, мы на многое не сподвиглись...

— Я думаю, мы правильно делали, что шли во второй линии. На острие авангарда ничего по-настоящему живого не возникает. А мы жили. Жили, Леня, и еще как! Ты худо-бедно играл для детей каких-то мушкетеров. И твою пышную шевелюру запомнили, тобой интересовались, на тебя ходили. Ты старался. Ты не изобретал бог весть что. Ты придумывал себя. И потом шел за собой придуманным.

Я тоже в своих писаниях не выделялся почем зря. Так, по необходимости. Дружелюбно подмигивал предшественникам. Потому что твердо знал: без них — никуда. Я же не мог все возводить сам. Жизни не хватит. А придать особый блеск возведенному — пожалуй что получалось. По крайней мере, так говорили. И казалось, что не из вежливости...

— Я тыщу раз слышал о прелестях израильской медицины. Наверное, она и взаправду стоящая. И, честно говоря, думал, что ты раз за разом будешь выкарабкиваться. При такой-то поддержке... Искусственные комы, программа «12 шагов». Но мало ли кто что думал...

Вот и фото прислали. Грубая могильная плита, рыжая почва, сухая трава. Приземистое дерево, изогнувшееся от ветра. Имя-фамилия на русском, какое-то неузнаваемое лицо, пунктиром по камню — гитара. Облезлый пригорок, квелия скамья, жухлый цветок. Где это? Галилея, надо

понимать. Я никогда не бывал в Израиле. И знаю его только по жалобам на строгости в аэропорту Бен-Гурион, бесконечным судебным процессам над экс-премьером Нетаньяху да задорным стишкам Игоря Губермана.

Не люблю Whatsapp. Он так и норовит подогнуть что-нибудь слезоточивое и ненужное. И для того чтобы жить дальше, конечно, следует его отключить...

А еще на памятнике было начертано: «Дорогому искателю несбыточной любви от всех, кто его любит и помнит». Это неправда. Все сбылось.

8

Когда долго лежишь лицом к стене, крашенной казенной масляной краской, пустота яростно разрывает голову. Обрывки медсестринской болтовни из-за двери, урчание воды в санузле за стеной, посвист ветерка в вентиляционных лабиринтах лишь подчеркивают нерушимую силу крошечного вакуума. Реальность распадается, обращается в порошок, развеивается по больничному воздуху. И ты уже существуешь в другом измерении... И смерть становится легка для понимания и слышна сердцу.

От нестерпимой госпитальной тоски я листал какую-то научно-популярную книжечку и уныло рос над собой.

«...Леониды — самый известный метеорный поток. Он известен более 3800 лет и назван по имени созвездия Льва, в котором расположен его радиант (область вылета метеоров).

Леониды — это частицы хвоста кометы Темпеля-Туттля. Когда активность потока усиливается, метеоры обрушиваются на Землю в виде звездных ливней или даже штормов».

«...Некоторые псевдопрорицатели видят в Леонидах ясный знак, обещанный Спасителем. Иисус сказал: "...и звезды спадут с неба" (Мф. 24:29). И Иоанн, увидев знамения, возвещающие о приближении дня Божьего, говорит: "И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои" (Откровение 6:13)».

«...Никакими словами нельзя описать страшное великолепие этого зрелища... кто не был его очевидцем, тот даже и представить не может себе всю его невыразимую мощь. Создается впечатление, будто все звездное небо концентрируется в одной точке, у самого зенита, и оттуда с молниеносной быстротой во все стороны расходятся световые стрелы, и конца им нет...»

«...Таким образом происходит одно из тех последних знамений Его пришествия, относительно которых Иисус наставлял Своих учеников: "Когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях"».

9

— Ляня, ну наконец-то я тебя дождался... Такой вечер, такое небо... Здорово, что ты решил вернуться именно так — позднелетним звездным дождем... Это в твоём духе. Ты всегда любил причуды... Я рад, несказанно рад... Мне нужно многое тебе рассказать.

Смотри, что я выкопал. Ты ведь тоже любишь в старье копаться. «Донская волна» за март девятнадцатого... «...Плохо приходилось комиссарам,

которые попадали в руки Шкуро. Но темных и, в сущности, одураченных людей он щадил. Мобилизованный член профсоюза, случайно попавший в Красную армию, молодой казак, какой-нибудь “комиссар народного образования” из струсивших интеллигентов после встречи со Шкуро уносили воспоминания об оригинальной “банде”, которая не расстреляла без суда и опроса свидетелей ни одного человека, голодная и измученная, не взяла насильно у жителей ни одного куска хлеба, ни одной рубахи...»

А это уже октябрь девятнадцатого — «Воронежский телеграф». «Жители города стали свидетелями казни коммунистов — коменданта города П. П. Скрибиса, железнодорожного комиссара В. И. Лаврентьева, командира бронепоезда Шлегеля, а также следователей ЧК Иванова и Петрова. Они были повешены на площади Круглых рядов. Генерал А. Г. Шкуро рассматривает эту казнь как ответ на жестокость чекистов. В саду губернской ЧК выкопаны 6 трупов священнослужителей и 8 трупов монахов со следами истязаний».

А это уже из недавней «Новой Кубани». «В конце июля Краснодар посетил великовозрастный Григорио Арратиа, который уверен в том, что является сыном Андрея Григорьевича Шкуро. Он приехал в краевую столицу вместе с семьей: супругой Марией и дочерью Наталией.

Чета Арратиа проживает в небольшом городке на юге Чили. Из своего детства Григорио отчетливо помнит, как в середине тридцатых его привез в Чили мужчина. Некоторое время мужчина жил вместе с мальчиком, а потом отдал его в приемную семью.

Уже в шестидесятые Григорио получил странную посылку: черное знамя с изображением волчьей головы, кинжал кубанского казачьего войска, личные записи и фотографии. Человек, который принес все эти вещи, пояснил, что их просил передать ему отец...»

А еще я узнал, что Моисей Моисеевич Фурманов после отсидки приехал в город. Заходил к бывшим сослуживцам, думал — на работу устроится. Про Зину спрашивал. Но она из управления уволилась. Говорили, что где-то в гостиничной службе работает. Но гостил тут Моисей Моисеевич недолго. Через два месяца его снова взяли...

— А фон Риттер, оказывается, сумел-таки по-тихому выбраться в Германию. И забыл Россию как страшный сон. Какой там «Ямщик»!..

— А об Агриппине Гранской после двадцать пятого года помнил разве что один Яков Фельдман. Все романы покойнице писал, пока напрочь не исписался...

— Не так давно, Леня, я встретил твою жену. Бывшую. Ты с ней на актерском учился. Большеглазая такая. А теперь и вовсе глаза выпученные, с блестками ужаса — того и гляди из орбит выкатятся. В Питере в каких-то сериалах снимается. Вроде платят... Говорила, что ты во сне к ней являешься. Смеешься под окном, рукой машешь, кричишь что-то. А слов не разобрать. Это вроде к тому, что помянуть тебя надо. Не знаю... Звала посидеть, вспомнить. Но я, грешен, терпеть не могу бывших. Если была — значит, ее уже нет. А как можно общаться с тем, кого нет? Разве что с тобой.

— Зайдем? — весело подмигнул Леонид мертвым глазом.

— А я и не знал, что тут снова открылось.

— Все рано или поздно открывается... Идем.

И мы вошли в подземелье.

Фурманов и Шкуро были уже на месте. На столе соседствовали початая бутылка датской водки «Аквавит» и надорванная пачка дорогих австрийских сигарет.

— Предательство, говорите? — хитро прищурившись, вопрошал генерал.

— А что богоугодней — единение с бесовской властью или святая борьба во имя спасения святой Родины?

— Если кого люто ненавидишь, то сам тем и становишься. Ты ведь, генерал, форменный жид. Вечный жид. Кубань, Подонье, Персия, Кавказ, Франция, Югославия, Германия, Италия, Австрия... И нет списку ни конца ни края. Разве не так?

Лукавоглазая пышнотелая официантка Зина приносила румяные пирожки и глядела на Фурманова протяжным взглядом.

— А я ведь вас, Моисей Моисеевич, и теперь люблю. Хотя вы и исчезли бог знает когда...

— О чем ты, Зина? — грустно отвечал Моисей Моисеевич. — Никто и ничто никуда не исчезают. Разве ты не чувствуешь?

— Что мы имеем? — поднялся вдруг Шкуро, давая понять, у кого здесь права тамады. — Мы имеем Зину...

— Попрошу не выражаться! Я женщина порядочная. Полжизни проработала в приличной гостинице. И внучки мои там подрабатывают.

— Да я от всей души... За присутствующих здесь дам!

— Сердечно благодарю вас, генерал! А то я бог весть что подумала.

— Андрей... Можно я буду звать вас так? А что? Апостольское имя. Красиво.

— Ах, шельма, — захохотал Шкуро. — Ладно, валяй.

— Вот ты, — указал он на Леню, — не предатель, что ли? На родине не понравилось — и отчалил себе в кущи галилейские. Нет чтобы побороться, изменить положение дел... Хотя бы попытаться. А ты свалил — и с концами.

— А ты не свалил? — оцетинился Леня.

— Если б я остался, меня бы тут на первом фонаре вздернули. Сравнил тоже.

И Шкуро с удовольствием опрокинул стопку.

— А ты тоже не предатель? — весело и нагло зыркнул он на меня. — Нет, ты никуда не дернулся. Просто тебя как будто и нет. И не было никогда. Творите, архаровцы, что хотите. Мне-то что? Мне душу свою чуткую оберегать нужно.

— Ты как был смутьяном, так и остался. Тебе лишь бы шорох навести да покрасоваться. Пусть кругом обалдевают да любят. А с кем брататься, на кого ополчаться — не важно. Во имя России! И все тут...

— А еще в этом здании, — встряла вдруг Зина, — редакции фронто-

вых газет были. Кто здесь только из тогдашних знаменитостей не работал! Василевская, Долматовский, Первомайский...

— Твардовский — Долматовский — жидовский... — напевал Шкуро себе под нос и, кому-то лукаво подмигивая, задорно приплясывал.

— Генерал, Господа Христа хоть побойтесь, — взмолилась Зина, — он ведь иудеем был рожден.

— Что?! Иисус был еврей?! — заорал поддатый Шкуро. — Повешу!

Потом резко замолчал, протяжно поглядел в подпотолочное окно и лениво вытащил сигаретку.

— А вас подвешивали когда-нибудь за ребра?.. На мясных крюках? Тут, как ни крути, фантазия нужна. Энкэвэдэшники — это тебе, брат, не хухры-мухры. Народ изобретательный...

— А за что, интересно, тебя бы привесили в Израиле? Я имею в виду — за какой орган... А за что — понятно. За художества Первой Тверской... К этому делу и туземная дивизия подпряглась. Погромы — дело увлекательное. Тут тебе и острые ощущения, и навар... И опасности никакой.

— Эх, где моя шашка... Я б тебя, суку, от уха до мотни располовинил! Тварь пархатая!..

Леня схватил низкорослого Шкуро за грудки, поднял и прижал к стене. Генерал подтянул колени и что есть силы лягнул Леню в живот. Тот отлетел к противоположной стене... и она вдруг дрогнула, закачалась и рассыпалась в пыль...

Все исчезло. Шел дождь. С пищеблока звали на ужин.

11

— Леня, что ж это за времена настали? За твои же деньги откапать по-человечески не могут. То ли лекарства тырят, как испуганные, то ли мозгов с гулькин хрен?.. С десятого раза только и помогает. Когда уже и само бы прошло... Медленно все в организме крутиться стало. Это от того, что все вокруг крутится — быстреей некуда. Как время ни проводи — его не проведешь.

— Да, Леня, я живу один. Пишу себе — не тужу. Поначалу щемило вроде... А потом посмотрел по компу порнуху одну. Там толстая, матерая такая бабища развлекается. Лениво так, методично. И знаешь — как рукой сняло.

— Я в больничке не для того, чтоб вылечиться, — для того, чтоб только не помереть раньше положенного. Хотя и в успении ничего страшного... Тут тебе, Леня, виднее. Утлое ведь кругом существование, боязненное. Эх, Леня, если бы можно было выбирать времена!.. Но выбора, понятное дело, нет. И что прикажете — плакать?..

Вот говорят, свобода — это выбор. А разве свободы от необходимости выбирать не существует? И чем она хуже других свобод?.. Время все выбрало само. А ты очутился в нем, как в больничке, — без разума и памяти. И получаешь те инъекции, что положены. Вообще вся пакость — в боязни. Я не боюсь болезней — я болею. Я не назначаю лечение — я лечусь. И потому плакать не о чем. Потому как арена нашего безумного представления — собственная шкура. Никто ведь, Леня, не упрекнет, что примеряли чужую... И теперь ясно, что так оно до самой выписки и будет.

И откуда у меня эти напльвы бодрости духа? Верно, от того, что странная компания моя никуда не девалась. Откликаются, являются, безобразничают... Невелика, скажешь, радость? В самый раз. А претензии на великость — сплошной депрессняк.

12

В прежнем «Бристоле», как в немойтой пустой бутылке, витали неистребимые запахи давно выпитого. А нынешний мне и даром не нужен. Хоть он и куда как красивше теперь стал — размалевали его от души. Черный, оранжевый, серый... Жалуют у нас модерн. Но нынче, если мимо иду, — гляжу насквозь. Может, потому что хожу днем, а не при звездах? Не знаю. Но на что мне эта бетонная коробка, когда вся Россия — один сплошной «Бристоль»?.. А в здании теперь офисы, Леня. И секретутки, надо полагать, прямо на столах. Ничто ведь не меняется... Разве так можно?

«— Фима, ну ты же юрист, ты же должен знать, шо можно, а шо таки нельзя.

— Моня, я юрист, и я таки прекрасно знаю, как можно, когда нельзя...»

— Да, Леня, кто из нас не стал циником?.. И ты пишешь книгу, и книга пишет тебя. И неизвестно, у кого выйдет быстрее... Сестра, или ты не видишь — капельница кончается.

— Впрочем, я вовсе не мизантроп, а вполне себе сентиментальный тип, так и не научившийся правильно делать коктейли. А то с какой бы стати я ждал этого позднеосеннего метеорного неистовства? Только чтоб с тобой повидаться. А оно мне нужно? Выходит, что так... Потому как воздух нынче дурной, и тот — в трубках, что к инъекционным иголкам приторочены. Но если сосуды воздухом этим не забьются, я еще, даст Бог, победокурю на всю катушку. А потом постою покурю под занавес на черной лестнице... Там хорошо. Там никого из нынешних нет. Только пыльное окно и огромные звезды со дна наших бокалов.

